

Переписка из трех углов

Где ты, любезный Филалет? В каком уединении скрываешься? Какие предметы занимают душу твою? Чем питается твое сердце? Что делает твою жизнь приятною? — И думаешь ли ныне о своем Мелодоре?

Мелодор! Слезы катились из глаз моих, когда я читал любезное письмо твое. Давно уже такие сладки чувства не посещали моего сердца. Благодарю тебя! Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается в юности — неразрывная и приятнейшая.

Н.М.Карамзин

В.Рокитянский — А.Соболеву

6-8 апреля 1996 г.

Дорогой Алик!

Вчерашние впечатления, перебродивши во сне и несколько кристаллизовавшись во время утренней прогулки с псом, побудили усесться за машинку и начать делать то, что сейчас и делаю. Я собрался написать два письма — тебе и Толе Пинскому, устроителю и докладчику вчерашней тусовки. Третий возможный собеседник, Антонов, подвез нас домой, где за чаем мы уже друг на друга достаточно разрядились.

С тобой тяжелее. Наше многолетнее (ох, как долго мы дружим и общаемся — жизнь уже почти что прожили!), многолетнее общение и собеседование, будучи (когда как не сейчас это сказать) одним из многих образовывающих влияний моей жизни, в то же время скопило меж нами, в нашей общей среде, какое-то количество мутной взвеси из недопонятостей и недоговоренностей. Впрочем, ты как будто бы — судя по некоторым речам — видишь ситуацию как-то иначе, но мое восприятие именно таково, и — попытаюсь объяснить.

Оттолкнусь от вчерашнего. Я, конечно же, совершенно неадекватно, глупой и беспомощной грубостью среагировал на твой монолог о происходящем, но не буду даже отвлекаться на извинения, лучше попробую **выявить смысл**. Я, понятное дело, среагировал на **тон**. Ну и что такое тон? Тон, разумеется, сам по себе — пустое, однако не в этом случае, когда он есть для меня **знак**, выражающий нечто в тебе, в твоей философии — обращенной вовне, т.е. в твоём, как англичане говорят, *message*, — с чем **душа не мирится**...

Имею в виду **немирность** твою, Алик! Слово сказано, теперь его можно понять или не понять, или понять неверно. К счастью, я имею еще возможность и пояснить, а ты, смею надеяться, считаешь еще и дальше. Конечно, сказано: «различайте духов» (любишь цитировать), сказано даже «не мир, но меч». А мирским языком: «нужно размежеваться, прежде чем объединяться» (тоже ведь верно, хоть и дурной источник). Можно сказать и еще жестче: есть случаи, когда ближайший путь к миру, к взаимопониманию — ударить оппонента или надеть на него наручники. Солдат, стреляющий в противника, может в этот момент стоять на самом верном пути к миру. Но для меня здесь не случайны слова «путь к миру», это все не парадоксы, ибо есть действительность, «*мір сей*», питающийся и растущий рознью, и есть мирный *мір*, каким он был замыслен и сотворен. Но есть еще и **путь**, мера неложности которого для человека, находящегося сейчас вот в этой его точке — это острота и болезненность восприятия им розни и всего, что ведет к ней, от прямой злобы и своекорыстия до лжи о мире. «Ненависть к розни *міра сего*» — так сказано, кажется, о св. Сергии Радонежском.

Вчера, услышав в невзоровских «Днях» Кургиняна, разделил его возмущенное недоумение: в стране треть (условно, мне сейчас не важны точные цифры) поддерживает коммунистов (не различая их с националистами), треть демократов, треть неведомо кого или никого. От кого при этом можно «зачистить» общество? Не знаю, кого он цитировал, но слово точно передает дух розни.

Пора тебе меня прервать и спросить: что дало повод? Отвечая на этот ожидаемый вопрос, попробую подвергнуть *уважительной экспертизе* (термин, встретившийся мне в одном тексте и очень полюбившийся) некоторые твои суждения.

О Г.П.Щедровицком и методологическом движении. Алик, дорогой, у меня свои и очень серьезные интеллектуальные и

духовные счета с «методологией», я их продумываю и, Бог даст (не случайно же мне случилось попасть в столь благоприятные для этого условия), «предъявлю». Но когда **ты** начинаешь ругать их, бешушь и тоскую! Бешушь из-за оскорбляющей слух несправедливости умного человека (твоей), а тоскую, потому что не могу с этим человеком, желанным для меня собеседником всерьез обсуждать эту серьезную тему — невозможно обсуждать ее **на таком уровне...**

Так вот, пока скажу о методологии вот что:

1. Для меня — это, прежде всего, **философия дела**, а, хотя, конечно же, дело — это не все, но дельность есть несомненно одна из важнейших добродетелей, фундаментальнейших. Не все есть дело, но все, что претендует быть осуществленным хорошо, должно стать и делом, и делаться как дело. И вот это «измерение» человеческой реальности Г.П.Щ. и его кружком проработано с необычайной добросовестностью и избирательностью.

2. «Движение», которое оставил после себя Щ. И которое насчитывает тысячи человек, это (по моим личным впечатлениям), несмотря на разнородность и разного рода «порчу», которые время всегда приносит, картина все-таки весьма отрядная, как по яркости и видимой талантливости составляющих его личностей, так и по духу, в котором отзывчивость на злобу дня совмещается с приподнятостью взгляда.

Попутно устраним одно недоразумение. Кто-то, ты или Антонов, спрашивал, а где ученики, кого оплодотворил? Отвечаю: в профессионально философской среде, действительно, вроде бы и не видать, она изначально их отторгала (а кого там видать?); они обслуживают, как я понимаю, различные области дела (экономику, политику и т.д.). Почему так, вопрос интересный и важный. Я вижу здесь род аскезы, желания служить, а не учить, но в то же время это обстоятельство несомненно связано и с *ограниченностью* методологизма как подхода. Выскажу еще и наблюдение-прогноз: сейчас идет процесс *преодоления* этой ограниченности, проявляющийся в частности в освоении русской философской традиции, и, шире, русской духовной традиции. Наиболее известная в этом плане фигура это, конечно, Генисаретский, но тенденция — шире. Повторю: «методологическое движение» — это живое! (И «тургора» в этом больше, чем у «специалистов в области...», как их деликатно именует новейший словарь русских философов).

Вспомнил еще недавнее личное впечатление. Я присутствовал на обсуждении концепции развития страны, предложенной одной из как раз методологических групп. В числе приглашен

ных обсуждать были политологи, юристы, и хрен еще знает кто. Так вот, суть концепции (повторяю, это важно, не программы, а концепции) — сделать все, чтобы в мыслящей части страны начался процесс совместного обдумывания и обсуждения важнейших для России проблем — эта суть практически никем не была даже **услышана**. А я — при всей очевидно для меня ограниченности и наивности некоторых «заходов» — в главном с ними! (Излюбленная методологами **проблемность** — это ведь одна из форм выражения боли от зияющего отсутствия общего решения).

3. Наконец, особо о языке. Пока в более узком смысле, как о средстве быть понятым. Мне кажется, что только все та же «немирность», отсутствие воли к сотрудничеству (впрочем, отличавшая, подозреваю, и «ту сторону») могли позволить **недоразумению** так повлиять на ситуацию. Дело в том, что мы все, «внешние», получали представление о том, как выражают свои мысли «щедровитяне», из эпизодических заходов на их семинары. Понятное дело, что, сидя и слушая нечто, начавшееся задолго до того и вовсе не рассчитанное на случайную аудиторию, «гость» ничего не понимал, а принятая и всеми участниками принимаемая манера жесткой и придиричливой критики вызывала (по себе помню) недоумение и раздражение. Я сейчас не обсуждаю ни того, хорош ли вообще такой метод работы, ни вопроса о тактической оправданности такого способа поведения по отношению к внешнему миру. Важно, что все это — прошлое. И с моей точки зрения — хотел сказать что-нибудь выражающее возмущение, но скажу точнее — грустно, что и сейчас мало кто раскроет том «Избранных трудов» Г.П.Щ. и убедится, что написанное там не только интересно, умно и полезно, но и **понятно**, ибо написано человеком, много заботившимся о том, чтобы быть понятым. (Хотя, будучи построено не на внушении, а на мысли, требует напряжения).

О методе и методологизме вообще. Давний это у нас спор, Алик (мне помнится, как еще в светлую пору наших прогулок у пруда и в лесочке на Юго-Западе ты буйствовал по поводу оглядки на «трусливую профессорскую мысль») — но не уменьшается его актуальность! Твоя главная, как я понимаю, мысль по этому поводу давно мною усвоена: что, мол, духовная лень и паразитизм побуждают искать «отмычку», которая бы всем и каждому открыла путь к истине (не исказил?). А я тебе на это скажу вот что. Во-первых, для меня поиск метода — это прежде всего моя работа, так что какая уж тут лень? Во-вторых — и в

контексте нашего разговора это главное, — **метод объединяет**, а отсутствие метода разделяет. (Лично-биографический комментарий: для меня в новейший период моей жизни проблема метода была с наибольшей остротой осознана в связи с церковной ситуацией, с глубоким недоумением перед сохраняющимся разделением церквей. Мне не хотелось и не хочется объяснять его исключительно «человеческими» причинами, но всякая попытка самоопределиться не по логике «свои-чужие», а «по истине» упирается в отсутствие **метода**, способа **христианского мышления**). В-третьих, твои доводы справедливыми в отношении некоего измышленного «методологического утопизма», никак для меня не отменяют того практического обстоятельства, что всякое творческое продвижение в области небывалого основано на том, что человек **умеет** уже прежде вступления в эти области, на что он встает как на ступень, чтобы двигаться дальше. В-четвертых, метод для меня — понятие очень широкое, метод, по существу, то же, что путь, и я не считаю себя обязанным отдавать это прекрасное слово тем, кто понимает его узко технологически. И наконец, в-пятых и главных: не может человек без метода! Ты же ведь, на самом-то деле тоже говоришь о методе, когда рассуждаешь о том, **как** надо философствовать...

О «преступлении» системостроительства. Как ни был я раздражен «тоном», но успел расслышать твою точную мысль, что слова хороши, когда выражают удаленность от истины, нашу неспособность прямого ее видения... Но почему же ты отводишь глаза от того, что эти твои суждения выражают **лишь одну из сторон антиномии**, что из них уйдет вся жизнь, если вынуть их из контекста **жажды абсолютной истины**, жажды, которая не может не стремиться к удовлетворению, т.е. к той или иной форме целостного, системного видения того, что есть. Не стремиться к этому так же невозможно, как невозможно этого достигнуть. В моем представлении ты являешь собой человека-тезис, позиция, совершенно необходимая как **момент диалектики**, но, по моему разумению, не могущая становиться образом, которым человек обращен к миру. (Прости, если звучит назиданием. На самом деле — недоумение).

Раз уж собрался написать это письмо, воспользуюсь им, чтобы немного раскрыть мотивы написания статьи, которую ты, возможно, уже прочтешь ко времени получения письма. Тебе в первую очередь я обязан тем, что **национальное** (сейчас я предпочитаю говорить «этническое») вошло в круг моего внимания

и мысли. Я безмерно благодарен тебе за это, ибо, как я сейчас это ощущаю, плохо было бы мне остаться в этом отношении **непотребованным**. Твои тогдашние речи стали мне вызовом, и статью эту я сознаю как первый мой членораздельный ответ на этот вызов.

Напоминаю в этой связи, **что** с самых первых наших разговоров оставалось для меня категорически неприемлемым в твоих об этом предмете суждениях: склонность признавать мысль несвободной, метафизически укоренять национальную ограниченность. Тешу себя надеждой, что это жало я выдернул.

И еще одно впечатление «в строку». Миша мой, будучи как едва ли не все они сейчас роко-меломаном, вовлекся в рок-группу, организованную его однокашником — «Происшествие» они себя называли. Он там — *перкуSSIONист*, то бишь ритм отбивает. Так вот, мы с Таней вчера сходили на их «сейшн». Знаешь, я получил истинное удовольствие — от ярких, полных юмора и, я бы сказал, изящества своеобразного, текстов, то опять же яркой, кусками просто красивой музыки (это все свое у них), от искренности и «куража» в исполнении. И, никак не являясь музыкальным авторитетом, потороплюсь добавить, что Тане, музыканту, воспитанному на классике, эстетически требовательному — понравилось! Там в одной из песен были слов «пожилой человек в стандартном костюме пусть придет и послушает нас» — это я, и я сходил, слушал и рад этому.

А ведь это еще один пример глубочайшей розни. Мне вовсе не хочется «задрать штаны бежать за этим комсомолом», я слишком много подглядел у них и примитивного, и грубого, и просто глупо-детского. Но не сохранить возможности общения с ними, какого-то общего языка — страшно. А среди того, что их от нас отличает, главное, может быть, это то, что они **живут в стихии музыки** — все! Наше поколение в целом в сравнении с ними — немзыкально.

Остаюсь любящим и уважающим, каким всегда был, а споры спорами. Я, пожалуй, рад, что высказался. Ответа не требую, но, ясно, рад буду получить — хоть письменный, хоть устный.

Твой Володя.

А. Соболев — В. Рокитянскому

12.04.96

Володя, готов многожды повторить, что ты — самый дорогой мой собеседник, и я чувствую себя обобраным, лишившись повседневного с тобой общения. Но сегодня я не склонен говорить нежности (хотя страшно представить, что для этого может так и не представиться повод), ибо означенная тобой тема вызывает у меня разлитие желчи.

Вспоминаю оскорбительное ничтожество (оскорбительное, ибо не природное, а культивированное) методолога, руководившего на теплом собеседовании о «судьбах России» и расхитившего последние крохи ума и совести, которые еще можно было воспламенить в уникальных условиях курортного досуга. Речи должны быть **вдохновенны** — вот главное и единственное «методологическое» правило **общего дела**. И это правило следует затвердить как «Отче наш». Все остальные — относительны и ситуационны. Только возвышенные (и возвышающие) мысли способны объединять (на творчество, а не на преступление) и только «строительство душ и совести» (Г.Флоровский) есть та цель, которая может понудить работать «за бесплатно». Разбирать (в кружках) различные способы мысли и действия можно только с одной целью — сделать их **духоприимными**, т.е. связанными с высшими целями **непосредственно** (здесь и теперь), а не через посредство миллиона шагов, уводящих в дурную бесконечность. Каждый из «шагов» должен меру рационален, но и в меру метафоричен (символичен), сделан «просто так», «для души», быть танцевальным па, элементом культа. Поэтому мне непонятны и чужды твои рассуждения о невозможности постичь дух кружковой работы, включившись на середине пути. Смысл танца и культа схватывается мгновенно. А щедровитянский культ раскрывал «глубины сатанины» (Ф.Голубинский), был направлен якобы на «нейтрализацию» мысли и действия, а по существу на расторжение их связи с национальными и религиозными святынями. Впечатление создавалось, что кастраты сошлись потолковать о любви. Олег Генисаретский соскочил с методологической иглы, видимо, только по зову предков-иереев. Да и то, не поздновато ли? Его ужас (по свидетельству Пинского) перед полным отсутствием **вдохновляющих** педагогических идей срони моему ужасу перед полным отсутствием поэзии. Это —

симптом национального умирания. И все, кто культивировал «отвлеченное» мышление и «отвлеченную» сноровку, обезвоживали национальный организм, способствовали накоплению отравляющих шлаков.

С каждым годом мне все труднее и труднее читать лекции на тему нашей с тобой выставки («Семейный альбом»), т.е. о воспитывающем потенциале самой «ауры» русской культуры, которая нарабатывалась и в кружках, но прежде всего в культурных семьях.

30.05.96

Продолжаю, будучи подвигнутым, но также и сбитым с прежней мысли нашим очным разговором. Ты укорил меня, что я оставил без внимания твой главный вопрос. Перечитав письмо, главное усмотрел в твоих впечатлениях от одной из методологических тусовок. Цитирую: «Так вот, суть концепции — сделать все, чтобы в мыслящей части страны начался процесс совместного обдумывания и обсуждения важнейших для России проблем — эта суть практически никем не была даже **услышана**» (подчеркнуто тобой). Позволь, но кто кого не услышал? Неужели ты не услышал, что уже два столетия «мыслящая часть страны» «важнейшей для России проблемой» считает освобождение русской мысли от методологизма и методологов? Как возможно «совместное» с методологами «обдумывание» проблемы освобождения от них?! Кафкианский мир какой-то!

Как в известном разговоре:

— Вы любите одиночество?

— Да.

— Я тоже. Так давайте гулять вместе.

Метод завязывания шнурков на ботинках можно передать сыну или жене. Для этого не нужно затевать тусовку. Тусовки не умирают на втором или третьем сеансе (если они не стимулируются зарплатой) только потому, что там в центре внимания — именно богословие, а значит, богославие. То, что история щедровитянских кружков приближается к сорокалетию, математически доказывает наличие в них культа. И весь вопрос только в том: культ чего или кого удерживает щедровитян вместе?

Все конкретные мысли осмысленны и вызывают энтузиазм только как элементы культа. Никакой «внутренней» логики (а значит, и движущей силы) трансцендентальное (плоское) мышление не имеет. Только «рваная» мысль (как учил почитаемый нами обоими о. П. Флоренский) обретает логику. Как ты не поймешь главного: пафос методолога состоит в том, чтобы превратить мысль в не-мысль?

Можно, конечно, и Моцарта изучать методически. Например, с каким ускорением полетит он, будучи сброшенным с балкона, или как поведет себя его организм, зараженный СПИДом, или даже какую психологическую реакцию вызовет у него хамство на его счет. Только все это не имеет никакого отношения к тому, что мы именуем Моцартом. Изучать Моцарта можно только показывая пальцем на различные проявления его духа и сопровождая эти демонстрации междометиями. Все подлинное искусствоведение эти «методом» исчерпывается. И не случайно В.В. Розанов переполнял свои книги слоновыми цитатами, как бы призывая читателя восхититься или возмутиться.

Прости, но за твоей «методологией» я вижу только желание подменить Истину «общечеловеческими ценностями», т.е. фактически убить и этносы, и культуры, и религии.

Чтобы не раздражать тебя моим тоном, попробую изложить **мою** мысль обширными выписками из работы А.А. Мейера «Размышления при чтении «Фауста»».

«...Не со времени Гераклита, а уже гораздо раньше, знали люди мысли, что не вещь, а слово есть подлинная основа реальности».

«В трагедии Гете перед нами разворачивается драма сознания, потерявшего связь со Словом, и ищущим жизни вне этой связи».

Мир новый, чудесный и лучший

Создай в мощном сердце своем.

Вся история фаустовских «исканий» есть следование этому совету духов. Он хочет приобщиться к дыханию жизни через наслаждения и дела».

«Мир истинно личных духов есть мир Слова. Порывающий со Словом, порывает с духовным миром и остается одиноким духом; одиноким же дух — уже не личность, не «я»».

«Недоверие к Слову, низкая его оценка и противопоставление ему дела встречает в Мефистофеле сильную поддержку. Он

пользуется всяким случаем, чтобы поиздеваться над Словом и поколебать доверие к нему.

Мы знаем, что Мефистофели всех времен прибегали как к одному из надежнейших орудий — к смеху, издевательству. Там, где не хватает мысли, где они бессильны опровергнуть что-либо по существу, они делают объект своей полемики смешным, приучают своих слушателей к мысли, что объект этот «достоин только смеха» <...>. Смех является сильнодействующим средством, даже более сильным, чем прямая клевета. Гувернеры и демагоги хорошо это знают».

«И вообще все слова, говорящие о полноте и богатстве жизни, для Мефистофеля могут быть предметом только насмешки. Они для него — ненужные «высокие слова»».

«Замечательно, что в словах Мефистофеля — если брать их сами, вне издевательского тона — нередко может быть вскрыта глубокая правда <...>. Он часто говорит правду, издеваясь и над самой правдой, и над теми, с кем беседует и кому тоном своей речи внушает презрение к мыслям, правоту которых сам-то он знает».

«Совершенно противоположная мефистофелевской и фаустовской программа действий предстала бы перед нами, если бы мы буквально повторили некоторые из сентенций Мефистофеля, освободив их от издевательского тона. Когда он предлагает держаться покрепче Слова, он точнейшим образом формулирует истину о Слове, как о верном пути в храм достоверности. <...>

Чтобы заполнить пустоту мысли, действительно нередко прибегают к словам. Но правильно также и то, что понятие, бессильное по своей логической немощи, в своей абстрактности, ухватить реальность, должно отступить и отступает перед Словом, дающим <...> ведение более полное и конкретное».

«Почитатели дел, не понимая живых слов, высоко ценят ярлыки — из-за их полезности для дела <...>. Не видя пустоты и мертвенности своих терминов, они считают пустыми живые, но им не нужные слова.

Борьба с пустыми словами ведется людьми «дела» не во имя живых слов, а ради сохранения за словами только мертвых значков вещей и чувств».

«Недоверие Фауста к Слову и отречение от него у Фауста есть ничто иное, как поворот, совершенный европейским человечеством, а не личная особенность Фауста».

«Словесное творчество человека родственно самому Слову, культ которого составлял основу европейской культуры. Люди,

причастные истине о Слове, не могли не видеть в нем источник собственного личного творчества, а в своих словах человеческих — носителя истины, этим творчеством раскрываемой».

«...Само служение Слову было той основой, на которой выросло наше европейское знание. Опытное знание имело место во всех культурах и, однако, оказаться столь успешным, дать такие плоды, какие оно дало у нас в Европе, оно нигде и никогда не могло. Немалую роль в этом успехе сыграла наша культура слова, потому что как реальность вне Слова — не реальность, так невозможно и познание какой бы то ни было реальности вне большой дисциплины слова, вне культуры слова».

«...Пути действительно свободного духа суть все же пути философии, теологи, чистого знания вообще. Претензия заменить этот путь — путем непосредственного «действия» ведет неизбежно к магии и ко всякого рода тайным знаниям».

«Магия — неизбежная судьба искателя, стремящегося проникнуть глубже «явления», но не доверяющего Слову».

«Обращение к магии <...> явилось вполне обоснованным шагом для того, кто отказался от водительства Слова и установил для себя, так сказать, «примат дела». Магия — это собственно и есть дело, оторванное от культа Слова».

«...Магическое слово перестает быть Словом с того момента, как становится орудием магического действия, подчиняя себя действию. Оно перестает быть **действенным словом**, а становится, так сказать, **словесным действием**».

Магия не отрицает силы Слова, как могли бы ее отрицать позитивисты, но поработщает Слово и тем наносит ему гораздо большее оскорбление. Слово — уже не разумное слово, а вещь».

«В магии само слово подчиняют делу, превращают его в орудие дела. Магия — прямая противоположность литургического действия».

Подведем итоги.

Либо откажись от методологии, либо поменяй предмет мысли.

Нельзя мыслить живое как мертвое, не рискуя получить в зубы.

Нельзя вытягивать чужой кошелек и требовать от «фраера» братской к себе любви.

О явлениях можно мыслить методично и для этого не нужно собираться вместе. Вещь-в-себе можно мыслить только соборно, но методология здесь не при чем, так же как не при чем она, скажем, в поэзии.

Мать познает сына как **единственного**. Военком — методично, на базе широких обобщений. Но неужели материнский (или сыновний) «подход» узок и ограничен? Скорее он раскрывает новые горизонты, обеспечивает утонченность и гармоничность восприятия и самое главное — «касание бытия». Говоря о русском «онтологизме», имеем в виду и это.

Увы, я могу только на разные лады повторять эту мысль. Сдвинуться с нее я не способен.

Остаюсь, тем не менее, любящим тебя и жаждущим встреч.

А.С.

Забытый эпиграф:

Впрочем — так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

В.Ходасевич

Не легкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

В.Ходасевич

В.Рокитянский — А.Соболеву

Май — сентябрь 1996.

Не мерещатся ли тебе, дорогой друг и собеседник, «глубины сатанинские» — там, где все освещено дневным светом? Никогда не был близок мне этот настрой «духовного сыска», который слышится в твоих обличениях!

Ты красиво ругаешься, и я готов бы от души благодарить тебя за доставленное эстетическое удовольствие, если бы неприятие твое не было столь угрюмым и в точном смысле слова убийственным (проникнутым жаждой уничтожения). Есть, впрочем, еще один повод для благодарности: **мне** твоя злость помо

гает мыслить, создавая упругую среду для преодоления. Такую же степень определенности, жесткости позиций культивировал твой «ненавистник», Г.П.Щедровицкий. Но вот в чем различие: его «ненависть» всегда оставалась в «мыследеятельном» плане бытия, всегда в какой-то мере условном и игровом. Пинский вспоминает обращенные к нему слова Г.П.: «Толя, я вас ненавижу и буду последовательно уничтожать. Но помните, я могу любить только то, что я ненавижу».

Я — не методолог, и не хочу, ради вящей диалектической эффективности наших бесед, занимать условную позицию, противостоящую твоей. Да и твои угрюмые речи не побуждают к игривости. Если же говорить о моем отношении к предмету как оно есть, то оно никак не является простой антитезой к твоему тезису — это мне важно заявить со всей определенностью, поскольку в моем понимании не человек для диалектики, а диалектика для человека. Что же касается жизненной позиции философа, то ее суть я вижу в двух вещах. Это, во-первых, **универсализм**, стремление охватить, понять все частичные позиции — и поэта, и математика, матери, но и военкома. И во-вторых, способность к **рефлексии**, которая в не очень строгом смысле есть синоним трезвости, отдания себе отчета в совершающемся вокруг и внутри себя (awareness как выражаются англичане, образовав это слово, кажется, от «сторожения»). Избрав такую позицию, нельзя пребывать в ней неизменно, но не умеющий в нее входить по мне вообще не философ или псевдофилософ, вроде философа-большевика, который «прост, как правда», или философа-моджахеда, который противопоставляет не истину лжи, а наших не нашим. «Удерживать сложность» — так бы я еще сказал о том, в чем для меня существо философского именно взгляда.

И прежде, чем растолковывать, что я приемлю, а что не приемлю в судимой тобою методологии, с одной стороны, и в твоем над нею суде, с другой, попробую изложить свое представление о методе, отличное от обвиняемого. Что-то я на этот счет уже сказал в первом письме, но слишком бегло и невнятно, почему, видимо, ты этим и пренебрег.

Не могу понять, как ты умудряешься не ощущать **нужды в методе**. Методологическое начало с неизбежностью появляется всякий раз, когда происходящее с нашим участием воспринимается нами как **дело**, и мы стремимся к дельности. Я не принимаю противопоставления «слова» и «дела» в «мейеровской»

части твоего письма. При встрече я спросил уже тебя, зачем он везде пишет «слово» с большой буквы — не только тогда, когда говорит о Боге-Слове? И меня не удовлетворяет твой ответ, что, мол, «надо бы» использовать буквы разной величины для разных онтологических уровней. То, как написано, действительно используется автором для создания определенного суггестивного эффекта. А в результате — смещение и подмена. Слово-Логос, язык как «дом бытия», слова наших речей... Да, слово — от Слова, но и дело от Него же. Зачем противопоставлять храм и мастерскую, мастерская может и должна быть освящена. И Фауст прав: Слово — это и Дело, ибо Словом творился мир.

Во всем стоящем, наряду с тем, что совершается, по твоему слову, «просто так», «танцевально», неизбежно присутствует, имеет долю и элемент дельности, усилия и расчета. И как иначе, если речь идет о том, что дорого? «Царство Божие силою берется», но и «сила моя в немощи моей». Усилие и легкость, трезвость и воодушевление, логика и поэзия — неужели тебе непременно нужно убить одно во имя другого? Почему ты не миришься с их переплетенностью, а во времени — с ритмическим чередованием, которое и есть жизнь? «Метод есть ритм», сказал Новалис; так и получается, если попытаться схватить в философском слове эту пульсирующую сложность. «Логика на фоне эмоции может быть не менее поэтична, чем эмоция на фоне логики» (М.Л.Гаспаров).

Есть **неметодологизируемое**, когда лучше, или даже единственно возможно, действовать без оглядки, по наитию — но вся остальная жизнь есть подготовка себя к этим царственным моментам.

Если вспомнить, что «метод» по-гречески значит «путь», то обсуждаемое прояснимо метафорой. Метод в более узком смысле — это маршрут, путь исследованный и картографированный. И есть такие заповедные пределы жизненного пространства (в том числе и совсем рядом, дело не в метрике), где бесполезны или губительны карты и приборы. Продвигаться там может только ведомый. Но ведь к этому нужно готовиться, в том числе и тщательным обследованием подступов. Разве аскетика — не методология?

Так в чем же смысл — религиозный смысл, только он в конечном счете и важен, в этом мы, я думаю, согласны — сорокалетнего труда Щ. и его, как выражаются мои друзья-антропософы, «импульса»? Я думаю, всякая попытка ответа на этот вопрос будет проблематичной, ибо этот смысл остается в процессе

становления, **продолжает** определяться — в первую очередь в том, что совершается в развитии уже сделанного и по мере его нового восприятия и нового понимания. Еще предстоит, полагаю я, выявиться и разделиться **разным смыслом** дела Г.П.Щ.

В этой связи я возвращаюсь к образу освещенности дневным светом, с которого начал. Ты говоришь о «математической доказанности наличия культа» в методологических кружках, т.е. о присутствии в них мистериальной, тайной стороны. Мне дело представляется следующим образом: да, за пределами ярко освещенного пространства совместной работы, все более расширявшего своим «рамки», не могла не оставаться область тайны, не подлежащая обобществлению. Эта тайна есть тайна свободы, свободного самоопределения. Иного при-мысливать не надо.

Наконец, еще один важный для меня аспект обсуждаемого предмета.

Проект «методология» появился и был «начат осуществлением» — утверждаю я — «вовремя», в ответ на возникновение некоторой новой ситуации.

Суть этой ситуации состоит в схождении вместе, пространственно-временном совмещении всего многообразия миров и традиций и в соответствующей актуализации проблемы взаимопонимания. Ты волен безглаголиво морщиться при словах «общечеловеческие ценности», но ведь за этой беззастенчиво эксплуатируемой идеологемой стоит подлинная потребность в общности, в познании того, что абсолютно ценно и потому ценно всем. Да, это мечта, но мечта, которая движет реальным поиском средств взаимопонимания.

Вот один из «культурно-экуменических» проектов, по видимости полная противоположность всякому методологизму. Таня ездила этим летом в Австрию, в Зальцбург. Там, в Моцартеуме, где «все помнит Моцарта», проходил семинар на тему «Свое-чужое-общее». Этот семинар состоялся в продолжение музыкально-педагогического дела композитора Карла Орфа, который в музыке, танце видел прежде всего средство межкультурного общения. «Метод — это ритм»...

Методология Г.П.Щедровицкого также разрабатывалась как средство взаимопонимания. Исторически — взаимопонимания между учеными из разных научных дисциплин, в потенциях и амбициях — как максимально широкий, «рамочный» подход к реальности. Что касается меня, то я центральной проблемой всех интеграционных, «экуменических» методологий считаю проблему

единения без ассимиляции (взаимоуподобления). И пока интегративный потенциал, заложенный в методологии, мне представляется неисчерпанным.

Очень захотелось в заключение привести цитату из автора, которого ты, кажется, высоко оценил — Николая Бахтина. «Всякое творчество, всякое осуществление неустранимо включает в себе момент свободного отречения. В известном смысле воплощение всегда есть некоторое умаление воплощаемого, т.е. (если мерить вещи абсолютною мерою) — ложь: «Мысль изреченная есть ложь». Но здоровый творческий инстинкт легко преодолевает этот отрицательный момент, спокойно переступает через него, радостно отказывается от бесформенной бесконечности своего внутреннего мира во имя ограниченного и замкнутого воплощения. Вот почему трагедия творческого бесплодия заключается не в отсутствии внутреннего опыта или *неумении* его воплотить, но в упрямом *нежелании* поступиться хоть каплей своего богатства, в сознательном неприятии всех средств воплощения как условных и ограниченных, т.е. ложных. ...В области мысли с этой точки зрения далеко не случайна «боязнь системы», отрицание широкой архитектоники мысли как чего-то лживого и условного. Медленное восхождение по лестнице понятий, духи и арки напряженной диалектики, своды и купола незавершенной системы — все это начинает казаться пустою игрой. Все это как будто лишь уводит нас от подлинного познания — этого неразложимого сгустка внутреннего опыта, для которого нет слов и не может быть понятий. ...Духу незачем раскрывать себя в многообразно расчлененной системе: он весь, до конца должен воплощать себя в любой точке своего пути».

Твой Володя.

А. Соболев — В. Рокитянскому

20.09.96.

Здравствуй, Володя.

Получил сегодня твое письмо и отвечаю тотчас. Попробую не казаться угрюмым, хотя это не просто, когда близкий друг демонстрирует ненавистный тебе либерализм мысли. Либер

лизм (в самом общем смысле) — это шадающая духовная атмосфера, максимально благоприятствующая измельчанию личностей. Кстати, просмотрел подаренный тобою журнал со всей гайдаровской публикой — и там все то же: «перегородки до неба не достигают». Достигают, дорогой, достигают! Вернее, с неба они опускаются, но вот до земли... не достают. Так что, оставаясь либералом, можно шастать по подворотням свободно и не пригибаясь. А вот как в духовный возраст входить начнешь, так сразу и почувствуешь непроницаемость перегородок, ибо карабкаться вверх можно только по конфессиональным лестницам. И экуменизм оправдан не как «поиск взаимопонимания», а как поиск его границ (чтобы выставить запретительные знаки, дальше которых в душу лезть нельзя). Но на уровне забивания козла взаимопонимание полное: что иудей, что мусульманин — все одно. Холодок одиночества только на альпийских вершинах. Какая же грязная невоспитанность движет «экуменистами-просветителями»! Надеюсь, ты не будешь проповедовать «экуменизм» (свальный грех) в любви. Да и в друзья набиваться недостойно. Даже в круг «своих», где отношения строятся по кодексу элементарной порядочности, не каждого допустят. И надо свято чтить культурные перегородки. Но лишь на дальней периферии, где соблюдаются только нормы права, либералы-изгои чувствуют себя в своей тарелке и пытаются пересоздать мир по мерке маргиналов. Нужно не мечтать об обществе с замочными скважинами, а искать себя, т.е. искать **свои** малые круги, множить перегородки, за которыми только и может возрастать личность. Разумеется, желтая пресса не на пустом месте родилась, но «желтая философия» — это путь к вечной вторичности и творческому бесплодию.

Извини, но, на мой взгляд, неудачно акцентированные тобой принципы (универсализм и рефлексия) — это принципы «желтой философии». Эти принципы выражают зуд властолюбия, жажду манипулирования людьми. Отсюда и понимание универсализма как всезнательства (путем сбора досье на «поэтов и математиков, матерей и военкомов»), и преклонение перед рефлексией, т.е. перед способностью приподняться на вершок над другими, взглянуть на них свысока и «закартографировать».

Я уже имел удовольствие писать о том, что гегелевская идея «снятия» — это грандиозная туфта. Мы не можем «снять», воспроизвести в себе духовный мир Пушкина или Моцарта. Напротив, только «отпустив» их на свободу, мы имеем шанс на

личную «встречу» с ними. Лишь в этом случае они могут стать как бы «внешними органами» нашего познания. Причем именно философского познания, т.е. познания в свете абсолютного. Абсолютное открывается не путем рефлексии и не путем обобщения, а ... «как нам дается благодать». Абсолютное — это не абсолютно устойчивое, не мировые константы, поиском которых озабочены естествоиспытатели, а абсолютно ценное и **только вследствие этого** причастное Жизни Вечной. Буря эмоций, захватившая Ницше при открытии им «закона» вечного возвращения, на самом деле была вызвана открытием **метафоры**, способной передать невыразимое переживание абсолютной ценности мимолетного. Только благодаря перекодированию на пространственно-временной язык в позитивистском сознании эпохи (свойственном и самому Ницше) забрезжило подобие «понимания» события, свершившегося в онтологическом мире. «Все опять повторится сначала» — эта мысль затрагивала те же струны, озвучивала ту же музыкальную тему, что и онтологическое переживание непреходящей ценности мгновения. Неинтонированное рассуждение не имеет философского смысла.

Да, философская мысль может быть выражена только на языке нашего земного, относительного опыта, но в сфере притяжения «онтологических масс» наш земной опыт протекает не по естественным законам; он ломается, дробится, образует самые неожиданные комбинации. Философия есть исповедь о жизни под знаком абсолютного. К сожалению, жизненные орбиты не суть круги или эллипсы. И нужно постоянно развивать в себе зачатки художественного дара, чтобы композицией и тоном речи, работой со словом во всем его экспрессивно-ассоциативном богатстве уметь передать присутствие Истины и верную по отношению к ней дистанцию. И, как всюду, здесь нет гарантий от симуляции. Нет рациональных методик, нет натурального аршина для измерения степени фальши. Одно, я думаю, можно сказать с уверенностью: последовательный рационализм мысли свидетельствует об инерционности духовной жизни, об отлетании ее от Истины по касательной. И все разговоры о «системе ценностей», об «общечеловеческих ценностях» суть лукавые попытки натурализации онтологической реальности.

Разъясняющий, наукообразный стиль сегодняшнего моего письма снижает вероятность кривотолков, но обесмысливает нашу переписку. В таком стиле нужно писать и печатать статьи. Эпистолярный жанр предполагает иную логику, логику «игры в

меч». Мысль логична не тогда, когда позволяет выводить следствия в автоматическом режиме и в полусонном состоянии, а когда она причастна Логосу, когда она способна транслировать само событие мысли. Но это предполагает культивирование в себе повышенной частности мысли и повышенного уважения к мыслительным способностям собеседника.

Меня несколько огорчило в твоём последнем письме некое двое-ние адресата. Создалось впечатление, что ты не меня хочешь убедить, а понравиться кому-то третьему. Уточнять не буду, чтобы не нарушать ритма речи и не быть занудой.

Не скрою, что честолюбивая мысль о книге «Переписка из двух углов одного города» меня посещала. Но надо трезво оценить свои способности и вовремя остановиться.

С неизменно теплыми чувствами

А.Соболев.

P.S. Мой гнев и сарказм обращены не к тому Володе Рокитянскому, которого я помню и люблю, а к тебе как ученику Дьявола. Надеюсь, что этот твой этап ученичества не будет длиться долго.

В.Рокитянский — А.Соболеву

24.09.96*

Как неисправимый «либерал», т.е. непреодолимо влекущийся к пониманию (даже без взаимности), я буду внимательно вчитываться и вдумываться в то, что ты мне написал. Но, припоминая услышанное вчера по телефону, понял, что имею готовыми несколько ответных тезисов, каковые и сообщаю без притязаний на обсуждение.

1. Ты все время убеждаешь меня в том, что жизнь не вмести-ма в понятийные конструкции, т.е. в том, что есть и мое убеждение и что я самым непосредственным образом переживаю. Но философия, убе-жден также я, **обречена** быть в основе своей разумной, рациональной, и границы ее воздействию на жизнь, в том числе и неизбежно омертвляю-щему, полагает живой человек, чувствующий и сознающий **пределы философствования**.

* До получения письма в руки, в ответ на текст, услышанный по телефону.

2. О «перегородках». Чудовищная метафора! Творец создавал единое человечество, и от Него может идти только одна «перегородка» — между Его Царством и «тьмой внешней». А непосредственно с Ним каждый один-на-один, даже не с «кругом близких».

3. По моему опыту, который, кажется, резко отличается от твоего, в пределах земного пути-поиска человека **многомерен** (не только «многоэтажен», это не всегда вопрос «высоты») и потому разными своими «измерениями» участвует в разных кругах, близок разным людям. Я вовсе не ощущаю себя «блудником», будучи в одном близок одним (тебе, например), а в другом — другим (некоторым «методологам», старообрядцам или антропософам).

4. Что до некоторой «натужности» моего предыдущего письма, то, если она была, то от того, видимо, что мне было нелегко восстановить атмосферу диалога. Ты, теснейшим образом связывая высказываемые позиции с личностью говорящего, обнаруживаешь столь сильное неприятие позиций, что это ощущается как неприятие личности — и что тогда за диалог? Последнее письмо, и правда, делает, кажется, его продолжение невероятным. Отсюда эти резюмирующие тезисы, которые можешь воспринимать обращенными в пространство.

Разумеется, с моей стороны, это не мешает дружескому расположению к самому тебе (а не к позиции).

Володя.

27.09.

Прочтение письма и последующие телефонные разговоры, смягчив эмоциональный тон ситуации, не избавили от ощущения ее тупиковости. Благодарю за расслышанное беспокойство о моей духовной судьбе, но «шастать» пока не прекращаю, и если выразить самоощущение в некоторой его части словами из сказки — «я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...», то неотвратимость (или подлинный смысл?) встречи с Лисой представляется пока проблематичной.

Мы согласились в том, что разговор может обрести новую жизнь с привлечением третьего и что для нас обоих желательный третий — это Олег. Сопроводительную записку к нему прилагаю.

В.

Любезный и досточтимый Олег

Поскольку ты вроде бы изъявил согласие ознакомиться с начавшейся между мною и Соболевым перепиской и обнадежил возможностью своего в ней участия, передаю тебе то, что уже состоялось. Твое включение в разговор для нас тем более желательно, что мы, по обоюдному ощущению, в тупике. В полемике нашей для меня в качестве главной выступила тема, которая моему корреспонденту чужда — тема возможностей и перспектив преодоления или, точнее сказать, преобразования методологии. В течение недолгого срока моей работы в незабвенном ЦНИПИАССе меня «вербовали» и методологи (вплоть до беседы с Г.П.), но отступились, столкнувшись с упрямым нежеланием признать «онтологию» порождением деятельности. За моим тогдашним упрямством не стояло, сколько помню себя тогдашнего, большой мыслительной работы, но «онтологизм» как был, так и остается неустранимой «рамкой» (если я правильно пользуюсь этим словом) моей ментальности.

Иное дело, методология. Нужда в методе остро ощущается всякий раз, когда речь идет о совместной работе в условиях разномыслия. Или Соболев прав и духовную работу нужно замыкать в границах сообществ, связанных интимной близостью? Одиночество, составляющее предел этого «решения», есть трагическая неизбежность — как предсмертное одиночество и его предвестники, — но я не могу относиться к нему как к предмету вождения.

Словом, методология. Когда на вторых «Чтениях» я впервые в твоём выступлении услышал о «модальной методологии» как об упущенной альтернативе, мне померещилось что-то привлекательное. Но что это? Есть ли это попытка выработки гибкой, «мягкой» методологии, сообразующейся с множественностью модусов бытия. Не сродни ли это настрою Гете, говорившего, что «всякий предмет, хорошо рассмотренный, раскрывает в нас новый орган»?

С неизменным благорасположением

В.Рокитянский.

Примечание. Ответа от О.Генисаретского получить не удалось. Поэтому из задуманных четырех углов осталось три.

А.Пинский — В.Рокитянскому

Дорогой Володя!

Сказать, что я прочел вашу переписку с А.Соболевым с большим интересом, — это сказать правду, но далеко не всю правду. Даже, наверное, не это самое важное. Если говорить о непосредственном, реальном моем чувстве при чтении, то должен буду сказать, что местами испытывал довольно тяжелое, *мрачное* чувство. Но и сегодня, после нескольких дней осмысления, я вряд ли смог бы ясно сказать о причинах такого ощущения. Ты знаешь, очень похоже на ситуацию, когда видишь, что два мужика, про которых ты априори мыслил вполне хорошо и невинно, вдруг жестко поносят друг друга, причем чуешь — еще пара минут, и дело перейдет к мордобою. Ты им пытаешься сказать: «Да вы чего... мужики... да бросьте вы... да ведь дело ерундовое... ну погодите... ну ведь нет проблем все уладить... да вы уймись...». Но они тебя не слушают, только смотрят набычившись друг на друга, а тебе вдруг приходят уже иные мысли: «Елки-палки, а ведь разнимать их — тоже опасно станет...». Прости за сравнение. Однако подобное возникает, когда в ситуацию вдруг привходит компонент агрессивности, чуть ли ни ненависти. Бр-рр...

Ты знаешь, я вполне согласен с одной из программных мыслей Соболева, что суть дела и некая правда могут выражаться не в понятиях и «анализах содержания», а скорее уж в междометиях, в каких-то искорках смысла. Так называемое «понятийное движение по содержанию», конечно, тоже требуется, — но, видимо, просто как необходимый фон, как стул или пол, на котором размещается во время разговора. Поэтому, я, разумеется, не буду входить в систематический анализ переписки, но

позволю себе лишь несколько реплик. Если кто-то скажет, что они не связаны, не образуют «целого» или «системы» — о-кей, с меня не убудет.

1) Я вполне понимаю Соболева, когда он говорит о каких-то не-симпатичных поступках и поведении каких-то методологов на корабле (о ком конкретно может идти речь, я, конечно, не знаю). Я это тоже видывал, и немало, и думаю, что это бывало, и есть порой поныне, — и не случайно. У меня на эту тему было 3-4 теории-объяснения, но в это я сейчас не вхожу. Хотя, поверь, если кто-то высказывается на эту тему, мне всегда интересно; здесь зарыта какая-то собака.

2) О самом слове «методология» и о «методе». — Может быть, я сейчас скажу нечто неожиданное, но я вдруг подумал (при чтении вашей переписки), что эта идея «метода» есть какой-то миф. Причем миф и применительно к сути методологии. Она сама (точнее, сначала ГП) выдумала это самоназвание, а потом стала всех убеждать (кроме, — на деле, а не на словах — самой себя, что она базируется на некоей «идее метода»). ГП все время хотел убедить публику, и самого себя, что он работает «методично», «систематично», «процедурно» и т.п. Я однако, за ним этого не замечал. Скорее уж, он был вольный художник и «свободный кот» в поле всяких понятий, философом, проектов — причем это был *основной материал*, с которым он работал, но вряд ли свойства этого материала во многом проникли в *его самого*, то бишь в ГП (повторяю, я имею в виду *его самого*, а не семантику произносимых им слов). Зачастую он придавал этим словам и понятиям ценностной статус, чуть ли не делал из них предмет поклонения: ах, «технологизмы»! ох, «схематизмы»! И тому подобное (а ведь, к примеру, *его схемы не были схематичны*; кто будет подходить к ним как к схемам пригородных электричек или к радиосхемам, тот глубоко ошибется). Тут глубокая ситуация, как у Ильфа-Петрова: «Зачем вы говорите, что это мексиканский тушкан? Вас ввели в заблуждение; это намного лучший мех! Это шанхайские барсы!».

Я воспринимаю методологию, скорее, как какой-то неологизм, как условное и семантически весьма вольное (произвольное) самоназвание. Вообще, нужно иметь в виду, что у ГП, с одной стороны, речь была точеная, чеканная, а с другой — совершенно чудовищная. Он придумывал с легкостью слова типа «деятельностник», «тематизм», «системомыследеятельностный», «осферивание» и несть им числа. Что-то в духе «Татлина-летат

лина». Юноши и девушки, конечно, трепетали от высшего смысла, открывавшегося в таких словосочетаниях как, например, «процедуризация и процессуализация методологизации с дальнейшей активной схематизацией и онтологизацией ситуационной мыслекоммуникации в комнате». А собственно с методом — сложно. Например, мой отец доктор наук по методике преподавания физики, сам он себя называет традиционным «методистом». Я с детства читаю его работы — учебники, пособия — и могу твердо заявить, что нет там никакого метода, никаких процедур, никакой технологии. Голое научное описание явлений, формул, теорий и т.д. В поваренных книгах, которыми пользовались наши бабушки, метода и методики несравненно больше. Один немецкий профессор читал пару лет назад лекцию в нашем ГОРОНО (я переводил), к нему потом подходит какая-то дама с вопросами, они чуть разговорились; он ее между прочим спрашивает: «А вы чем занимаетесь?». Она говорит: «Я методист». Он удивился: «Интересно, так у вас в России тоже существует эта американская церковь?».

Конечно, это придумали всякие технократы аж в XVII веке — Декарт, к слову; в педагогике Коменский со своей дивной идеей «дидактической машины»; и так далее, включая многих немцев в XIX веке и, далее, вплоть до XX в. (скажем, Наторп и тому подобные) Но немцы же и завершили всю эту петрушку. Гадамер поставил точку принципиальным названием книги: «Истина и метод» (т.е. одно исключает другое). Прекрасно, нам теперь меньше работы здесь, и можно потратить силы на что-то другое.

3) К сожалению, ваша дискуссия порой выходила в плоскость обсуждения «морального облика». Это читать мне было тяжело... Я думаю — почему? Наверное, не потому, что эта плоскость по определению табуирована. Но мне все время казалось: «Да не то все это..., да не о том!...» А при этом ведь поминают человека (прямо или косвенно). Нельзя, наверное, так спешить с суждением. И осуждением. Повторяю, ГП (и, между прочим, также и «методология») — это раскрытая тайна, загадка. Я бы наобум сказал, что, может быть, главное в его натуре было: переход от местечкового и где-то эгоистического иудаизма к общечеловеческому (=христианскому, где несть ни эллина, ни иудея) поиску и служению. Я, замечу для самоопределения, вполне высоко ценю тезис Вебера о протестантской этике и духе капитализма. Может быть, неплохо было бы поставить вообще тему: «Духовно-религиозная сторона так называемой методоло

гии Щедровицкого» —? ГП был «предприниматель духа». Может быть, это что-то вроде «мирского христианства» Бонхеффера?... А, может, и нет. Но уж точно, что здесь нельзя опираться на его слова и статьи. Действительно, один сказал: «Пойду», но не пошел. Другой ничего не сказал, но пошел. Но на что же тогда опираться? Только на непосредственные, глубинные ощущения людей, его знавших и переживших (либо на интуиции тех, кто, может быть, не знал его лично, но хорошо умеет видеть между строк).

4) Но главный вопрос для меня пока что висит. Почему все же возникло нечто, похожее на столь сильное, жестокое взаимонеприятие? Почти на агрессивность. (Бр-р-р, прости, я не могу писать с легкостью такие слова). Мне кажется, под этим кроется что-то большое и реальное. Но что? Почему вдруг культурные, безусловно добрые, интеллигентные и глубокие люди переходят к лексике «получить в зубы», «ученичество дьявола», «гайдаровская публика» и т.п. Конечно, можно спросить соседа или коллегу на работе: «Рцы, како веруеши?!» Да еще так спросить, что у человека адреналин подбросит. Но ведь, простите, мы же все — люди, т.е. братья и просто хорошие ребята. Мы живем в Москве, покупаем хлеб, сыр и газеты, чистим гуталином ботинки, любим детей, ищем деньги, топчем асфальт, ходим в церковь, пишем и издаем книги, флиртуем с дамами, кладем сахар в чай, сидим в библиотеках, пьем таблетки, молоко и коньяк, читаем лекции, кашляем, стираем носки, видим сны. И если не каждый из нас читает по древнегречески, и не всякий бывал в Иерусалиме, и не каждый попадал в милицию, то уж наверняка каждый из нас был рожден матерью и каждый имел друзей в первом классе. Как говорил какой-то Анаксимандр: «Мы надышались одним воздухом — у нас одна душа!». Я видел по телевизору, например, Сосковца, или Сергея Ковалева, или Машу Распутину, или Шамиля Басаева. Я в чем-то не могу согласиться с кем-то, в чем-то малость понимаю ужас чьей-то доли, в чем-то кем-то восхищаюсь и т.п. Но ведь они все люди! Ведь это так просто! Ведь это мы выучили! Что может этому противостоять? Не понимаю. Недоумеваю. Я видел талантливый триллер «Волк», с Никольсоном, но все же я не верю в оборотней. Если мы все братья при «забывании козла», а раздробляемся и изничтожаем друг друга на «астральных» духовных, эфирных, кефирных вершинах, — то какие, на хрен, это вершины?! Иллюзии одни. А ведь жизнь, обратите внимание,

течет и, может быть именно потому, что просто люди просто забывают просто козла. Ну и слава Богу!

С неизменной приязнью — Твой Анатолий

04.10.1996

P.S. Дорогой Володя, это лишь часть моих чувств и соображений. Будет время, охотно поделюсь и иными.

В.Рокитянский — А.Пинскому

7 — 14 ноября 1996 г.

Дорогой Толя!

Перечитал твое письмо и утвердился в первом впечатлении, что нашу с Соболевым «дискуссию» ты воспринимаешь как некое печальное недоразумение, как драку, ожесточенность которой несоразмерна с малозначительностью повода. Ты, кстати, не одинок в таком восприятии: Антонов вот тоже, прочитав, высказался в том смысле, что я, разумеется, прав в вопросе о «методе в философии», этого, мол, и доказывать не надо за очевидностью, ну а Соболев, чего, мол, с ним спорить — «выраженец» вроде Розанова и не о том печется... Но все это — мимо, главное, суть нашего разномыслия вами не ухвачена. Поскольку же мне важно эту суть выразить, довести до некоторой членораздельности, попытаюсь еще раз. С тобою в качестве адресата это, возможно, будет несколько легче, ибо спокойнее. (Но, сразу же скажу, «агрессия» и «раздор» — это не случайное, «коммунальное» обстоятельство нашего диалога, а одна из важных составляющих сути дела!).

Вообще, в моем понимании все темы, все, если угодно, оппозиции нашей переписки — метод и вдохновение, «междометия» и «снятие», универсализм и «перегородки», тайна и ясность — теснейшим образом связаны. Все это (да и наших с тобой разговоров последнего времени некоторые темы — «общее образование», «производство, или обмен как основа экономики»), все это суть, я бы сказал, разные проявления некоего единого глубинного «обстоятельства». Суть коего и надлежит усмотреть.

Раз как-то, в одной из наших с Аликом очных бесед (при передаче мною ему второго письма) состоялся такой обмен репликами:

— Алик, в твоей позиции отсутствует сознание трагизма ситуации!

— Вот-те на! Именно это я хотел тебе вменить!

Почему такое странное взаимонепонимание? Что есть трагедия? Безысходная беда, неустранимое несчастье. Будучи обречены (здесь, в этом мире) жить с трагедией, мы можем или закрывать на нее глаза, или **видеть и принимать (amor fati)**. И, смотри-ка, главное, мне кажется, в том, как связаны между собою «видение» и «принятие». Я считаю, что существуют **два** рода нечувствия трагедии. Один состоит в том, чтобы не видеть того, что составляет ее содержание, жить иллюзиями. Другой же — в том, чтобы видеть все это, но принимать как должное, не воспринимать **трагедию как трагедию**. Соболев приписывает мне первое — и ошибается. Позицию же Алика — когда он говорит о «перегородках» или «уничтожает» методологию — я отношу ко второму роду, вижу в ней внутреннее примирение со злом разделения, вражды, позицию по сути своей (увы!) циничную.

Когда я думал о том, как мне наилучшим образом воспользоваться этой счастливой возможностью обращаться к такому восприимчиво-отзывчивому собеседнику, как ты, имея при этом воображаемо сопresentствующим собеседника **другого** (надеюсь, ты простишь мне здесь некоторое «двоение адресата») — когда я прикидывал, за какую ниточку потянуть, чтобы как-то прояснить эту сумеречную ситуацию, я зацепился мыслью за поношение в адрес Гегеля и его «снятия». Тем более, что и ты, прочитав аликово послание, сказал что-то вроде следующего: «А ведь и правда! Как можно **снять** Моцарта?!». И вот перечитал я это место соболевского письма, и... торжественно заявляю, что **главную** его мысль признаю безусловно верной. Вот оно это место, перечитай, пожалуйста, я буду на него ссылаться;

«Мы не можем «снять», воспроизвести в себе духовный мир Пушкина или Моцарта. Напротив, только «отпустив» их на свободу, мы имеем шанс на личную «встречу» с ними. Лишь в этом случае они могут стать как бы «внешними органами» нашего самопознания. Причем именно философского познания, т.е. познания в свете абсолютного. Абсолютное открывается не путем рефлексии и не путем обобщения, а ... «как нам дается благодать!». Абсолютное — это не абсолютно устойчивое, не миро

вые константы, поиском которых озабочены естествоиспытатели, а абсолютно ценное и **только вследствие этого** причастное Жизни Вечной. Буря эмоций, захватившая Ницше при открытии им «закона» вечного возвращения, на самом деле была вызвана открытием **метафоры**, способной передать невыразимое переживание абсолютной ценности мимолетного. Только благодаря перекодированию на пространственно-временной язык в позитивистском сознании эпохи (свойственном и самому Ницше) забрезжило подобие «понимания» события, свершившегося в онтологическом мире. «Все опять повторится сначала» — эта мысль затрагивала те же струны, озвучивала ту же музыкальную тему, что и онтологическое переживание непреходящей ценности мгновения. Неинтонированное рассуждение не имеет философского смысла.

Да, философская мысль может быть выражена только на языке нашего земного, относительного опыта, но в сфере притяжения «онтологических масс» наш земной опыт протекает не по естественным законам; он ломается, дробится, образует самые неожиданные комбинации. Философия есть исповедь о жизни под знаком абсолютного. К сожалению, жизненные орбиты не суть круги или эллипсы. И нужно постоянно развивать в себе зачатки художественного дара, чтобы композицией и тоном речи, работой со словом во всем его экспрессивно-ассоциативном богатстве уметь передать присутствие Истины и вернуть по отношению к ней дистанцию. И, как всюду, здесь нет гарантий от симуляции. Нет рациональных методик, нет натурального аршина для измерения степени фальши. Одно, я думаю, можно сказать с уверенностью: последовательный рационализм мысли свидетельствует об инерционности духовной жизни, об отлетании ее от Истины по касательной».

Я это прочитал и «задрожали в ответ струны души моей», но хочется мне сказать Альберту Васильевичу: выговорил ты это, а теперь помолчи немного, дай вслушаться, подумать (во внутреннем времени письма) — а то как же я вступлю со своей «партией», если тотчас же затевается бесчинство... Это неуместно и поддержано быть никак не может.

Для меня несомненно достоинство **и поэзии, и логики** (не говорю «равное достоинство», ибо они несравнимы). А вот вопрос о их со вмещении — это вопрос деликатный, и воистину требует «работы со словом во всем его экспрессивно-ассоциативном богатстве», требует **разнообразного интонирования**: «неинто

нированное рассуждение философски бессмысленно», ибо не-внятен его эпистемологический статус, «дистанция» по отношению к Истине. С грустью должен признать, что в своем стиле далек от того богатства средств и той непринужденности в пользовании ими, возможность которого как-то предносится в воображении... В этом чаемом стиле нашлось бы место и «жару холодных чисел, и дару божественных видений». Но если речь идет о философском **рассуждении**, то его доминантой должно быть, по моему вкусу, спокойное **изъяснение** своей мысли, выборочно и нещедро окрашенное иными средствами. С радостной готовностью отмечаю удачи, плоды работы по «развитию в себе зачатков художественного дара» у своего корреспондента, на брызгливая и раздраженная тональность его обличений сливается в моем восприятии в некое однозвучное «гудение», как у высоковольтки... (поймал сам себя на плагиате: слово «гудение» и по тому же поводу употребил как-то общий наш знакомый. А, думаю, помнит кто).

В какое же нужно ввести себя исступление, чтобы «математически доказывать» наличие в некоем общем деле сатанинского культа тем, что возраст этого дела «приближается к сорокалетию» — при том, что для А.В.Соболева немыслимо присутствие там вдохновения? Почему ему не приходит на ум такой источник энтузиазма, как **упоение мыслью**? Конечно, упоение поиском недвусмысленного, закономерного, общеубедительного — «абсолютно устойчивого» — есть односторонность (эпохи, или индивида, или момента жизни), но не большая, чем очарованность мимолетным. Главная — и, как я уже сказал вполне мною разделяемая — мысль цитированного отрывка состоит в том, что подлинно абсолютно лишь абсолютно ценное (а не абсолютно устойчивое). Абсолютное приоткрывается нам в мимолетном. «Разве меньше я буду любить эти милые, хрупкие вещи за их тленность?» (М.Кузмин), ведь в них промельки вечного, — но ведь и в «устойчивом» тоже? Разве сквозь узор законов, управляющих ходом вещей в мире, — тех законов, что «не прейдут», законов «вечного возвращения» — не светится та же Истина?

А не отказывает методологии в доступе к естествознанию и инженерии («выплавке чугуна и стали»), но возмущается посягательством на «этносты, культуры и религии». Меня радует, что у Г.П.Щ. и «старошедровитян» доставало такта, чтобы не касаться религии или, скажем, искусства непригодными для этих предметов инструментами. Это если говорить о «мыследеятельностной

методологии». Если же вести речь о строгой, выверяющей себя, осторожной мысли вообще (боюсь, что именно против нее буйствует мой друг Алик), то примером такой мысли — изысканно строгой, математически точной и обладающей всем обаянием трезвейшей ортодоксии — служат для меня, например, писания В.Н.Лосского, «оспособленность» коего для исполнения избранного им служения Истине вызывать сомнений не может.

Но ведь и ты, Анатолий Аркадьевич, «вполне согласен с одной из программных мыслей Соболева, что суть дела и некая правда может выражаться не в понятиях и «анализах содержания», а скорее уж в междометиях, в каких-то искорках смысла». Знаешь ли, во всем этом настрое, в снисходительном (у тебя) и свирепом (у С.) пренебрежении к рациональности и системности, в «постмодернизме» (это только у тебя, к Алику не относится) мерещится мне подчас какая-то усталость... — законное и осмысленное состояние, но не стоит ли придиричиво всмотреться в то, что вносится им в нашу мысль?

Я вроде бы посулил, но так ничего и не сказал о «снятии». В этой мысли Соболева мне (на мой вкус) как раз и недостает «статусозадающей» интонированности. **Против кого** эта мысль? Полное снятие в том смысле, как это понимал сам Гегель, т.е. как снятие низшего высшим, безусловно невозможно по отношению к **личности** — всякой личности, не только Моцарта или Пушкина. Идея исторического прогресса тем, прежде всего, порочна, что предполагает «снятие» последующими поколениями предыдущих, детьми отцов, лишая жизнь последних самоценности и отказывая им в вечной памяти. Если Алик говорит об этом, то он безоговорочно прав. Но ведь в современном понимании — в том числе и в «методологии», каковой, судя из контекста, вменяется «преступление» — эта гениально подмеченная Гегелем черта всякой жизни, способ которым она меняется, сохраняя связь со своим прошлым, имеет всегда смысл *частный, аспектный*. В культуре формами такого частного снятия в отношении своих «предметов» являются и филологические труды, и библиография, и схемы ... все, что — по удачно найденному русскому эквиваленту *aufheben* — снимается с «оригинала». И, бухгалтерия, о которой с воодушевлением рассказывает детям на уроке Семенихин (Розанов писал, что в его приходно-расходной книге больше поэзии, чем в письмах Тургенева к Виардо, да ведь и всякой такой «снятой» форме присуща своя поэзия). Творчество Пушкина есть по выражению М.Л.Гаспарова «конспект всей европейской культуры для России», но ведь, это

значит, что в нем она в некотором роде «снимается». И как без «снятия» возможно образование?

А вот в большей мере «наша с тобой» тема — вокруг нее строились наши последние беседы — тема **времени**. Что есть *Zeitgeist*? Что мне и тебе *Zeitgeist*? Ведь когда, скажем, говорят (и мы с тобой говорим), что в мире исчезли (или «прохудились») границы и «съежились» расстояния, то мы видим в этом **факт**. Но признание фактичности за некоторым обстоятельством никак не определяет его значимости или ценности. И вполне можно ненавидеть «дух времени», не мириться с ним. Ты утверждаешь, что семенихинское изображение экономики архаично и что в современном обществе не производство, а обмен и посредничество играют центральную роль. Что ж, фактически ты, вероятно, прав, **но в бытийственной и ценностной перспективе**, от которой я лично вовсе не хочу отказываться ни ради какого *Zeitgeist'a*, все это видится прямо противоположным образом: в основании — производство ценностей, наделяющее смыслом и оправдывающее все остальное, служебное. И, может быть, самое двусмысленное в современном всесмешении это сближение до видимой неразличимости архетипически разнородных и разноуровневых функций (служений) и, в первую очередь, смешение функции интеллектуального обслуживания чужой деятельности и кооперации разных деятельностей, с одной стороны, и производства духовных ценностей, с другой. Современный теоретик и идеолог менеджмента — вроде Сороса — притязает на совмещение ролей купца и философа, *вайшья* и *брамина*. Если так посмотреть, то и методология, выросшая из стремления «обеспечить межпредметную коммуникацию представителей различных научных дисциплин» и разросшаяся в своем самосознании до масштабов сверхфилософии, есть столь же бастардное образование.

Если так посмотреть...

Но в том-то и дело, что смотреть так не хочется, ибо «перегородки» не суть нечто самоценное, а лишь условие «приватизации» пространства для выращивания того, что чахнет «на юру». И, если они рушатся, и мы оказываемся пространственно совмещенными с другими «варнами» и «племенами» (например, с «забывающими козла»), то приходится «налаживать диалог» — даже если поначалу это будут «два нашинкованных монолога», как выразился уже цитированный М.Л.Гаспаров.

Когда-то нужно прерваться и помолчать, чтобы услышать голос собеседника — всегда приятный слуху моему.

Володя

А.Пинский — В.Р.Рокитянскому

19.11.1996

Дорогой Володя!

Вчера хотел написать Тебе коротко несколько соображений на предмет методологии в некоторой генетической связи с *Твоими* суждениями из переписки с Соболевым. Но сегодня, как Ты знаешь, у меня было своего рода событие — долгий и чудесный разговор с Р., так что данное письмо будет включать в себя и мои вчерашние мысли, и сегодняшние впечатления (последних, кстати, больше).

Что сказал Р.? Много сказал. Кое-что я запомнил и Тебе приведу.

Разговор начался с моего вопроса: видит ли он возможность и смысл писания каких-либо мемуарно-биографических материалов о ГП? То есть — не концептуальных, не философско-теоретических, а житейских. Он начал отвечать многопланово, блестяще, но в чем-то, чувствую уклончиво. Посоветовал мне, со своей стороны, учитывая мою особую предысторию (ММК + вальдорфская школа), подумать над неторопливым рассмотрением-сопоставлением пары «Щедровицкий-Штейнер». Я ему говорю: для меня здесь важен вопрос не о предмете, а о жанре; то есть — не исследование, а мемуары. Он, после нескольких (интереснейших же) отвлечений, четко сформулировал: «Воспоминания пишут о людях. По данному поводу я (по крайней мере, за собой) возможности такого жанра не ощущаю. И я тогда думаю чуть дальше — а может, дело в том, что ГП не был человеком». И далее много пояснял: «Понимаешь, существо с Марса может тоже прикинуться твоей доброй тетушкой, или школьным другом, или кем угодно. Но... это все же морок, а у тебя — состояние о-чарованности».

Пропуск (ведь всего не запишешь сейчас). Еще одна ситуация в разговоре. Я говорю: «Понимаешь, я вроде как доморощенный феноменолог. И не фактом ли все же является, что ГП — фигура историческая». Он: «Боюсь, здесь ты заблуждаешься. Его забывают катастрофически быстро. Книги его... — что книги? Неужели их кто-то будет читать? (Здесь я согласился). Так что историческая память ему не светит». — «О-кей, говорю я, давай чуть отступим; но ведь не будем мы спорить, что он был личность яркая?» — «Да, отвечает, яркая». Пауза.

И еще: «Я был у него на сорокалетии (А.П. — кстати, ведь Р. был его аспирантом). Собралось человек сто, как говорят — вся Москва. И я вижу: он не может без них. Просто не может жить. Он посылает на них какие-то энергии, а они резонируют, плюс добавляют свои энергии, и он этим прямо питается. Своего рода вампиризм. А что яркая — да, бесспорно. Но нам-то что сейчас с того? Отраженным его блеском уже не светим, а сами... блистаем ли собственным?».

О методологии, если привязывать ее к понятию «метод» (что, кстати, не обязательно; я ведь уже писал Тебе, что слово «методология» есть эвфемизм и привязка ее к понятию метода, — если мыслить эту привязку определяющей, — вызывает у меня сомнения). Так вот, что видится и мыслится на уровне несколько поверхностном и общепотребительном. Утверждается, что из всей пестроты (словечко Плотина) конкретных ситуаций человеческого действия и мышления можно выщелочить (словечко Калины Марковича) некоторые, выражаемые в понятийной форме, существенно менее многочисленные и в чем-то «простые» обособленные «структуры» (то есть скелеты), которые к тому же определяют в главном всю видимую эмпирию деятельности и мышления, управляют ими. «Как бы вы ни дергались, милый Анатолий Аркадьевич, а все ваши телодвижения проходят в схеме двойного знания (или акта деятельности, или схемы мыследеятельности или хрен знамо чего подобного)». Как водится — хотите вы того или не хотите.

Это дурной платонизм. Платонизм почти что массовый и вульгарный. Идея, обособленная от вещи. Которая к тому же главное вещи, выше вещи, плюс к тому нетленна, универсумальна и так далее.

Полная хрень. Кстати, пока это проходило в замкнутой среде дюжины интеллектуалов, все шло нормально. Но потом появились молодые волчата, которые с такой башкой поехали организовывать выборы директоров, составлять ассортименты продуктов питания и одежды, определять программы школьного образования. Они ни хрена не знали ни про директируемые предприятия, ни про продукты, ни про школы. Однако, дамы и господа, ведь частные, «предметные» знания суть фуфло; да и

вообще — многознание также фуфло; образ интеллектуала или интеллигента, как человека, который «учен, много знает» — помойка. В противоположность этому сии волчата — внимание, сейчас вылетает птичка! .. *владели методом*. Каким — неважно (например, организацией коллективной деятельности, развитием структур мышления или региональных структур разнопрофессиональной и межсферной коммуникации или, опять же, хрен знамо чем). К тому же, мать вашу так, присобачивается словечко «развитие». И все, разумеется, хотят управлять.

Ситуация примерно подобна историческому развитию событий от Маха-Авенариуса до пролетарских революций. В 1920 году Штейнер заметил: «У Авенариуса были довольно вздорные и плоские философские взгляды. Я его, однако, видел, а один раз мы с ним интересно поговорили в трамвае. И уж что совсем точно — ему и в голову не могло прийти, что через 20 лет какие-то молодые люди, в связи с его тезисами, будут выселять профессоров из квартир и стрелять из маузеров».

Кстати, я не против идей. Очень даже за. Но я полагаю, что XX век усвоил правду аристотелизма — *universalia in re*. Идея может сверкнуть: в капле росы или коньяка, в словечке таксиста, в «башмаках Ван-Гога», в окурке, в бреющем полете МИГа, в изречении Нагарджуны, в детском лепете, в вышках вокруг склада горюче-смазочных материалов, в чтении пред аналогом, в чем угодно. Когда люди («культура») начинают это понимать, они говорят: философия — это не сухое профессоральное дело, это требует художественного подхода и дара. Простые и истинные банальности.

Это все ясно. Вопрос понимал ли это нутром своим Щедровицкий? То, что это не понимает институциональная, каноническая методология — очевидно, (признак того, один из многих, — неудобочитаемость многих «нормальных» статей в ВМ; другой признак — жуткая ситуация, увиденная мною на похоронах ГП). Ну и ладно. Об этом даже не стоит говорить.

У меня, однако, есть подозрение, интуиция, что ГП таким не был. Р. сегодня на это сказал: «операционально недоказуемая» интуиция. Пусть так, но все же я полагаю, что он был совсем другим, чем те слова и формы, которые судьба (опять же тьфу, «культура») подбросила ему для самовыражения. И вот, почти все единогласно говорят, что ГП самовыразился полностью, в своих статьях, семинарах, играх. Что, что, а это уж, говорят, бесспорно. Его натура, де, на все сто вылилась в его деле.

Я со своей стороны рискую остаться в одиночестве, но все же должен сказать, что, на мой взгляд, он на 99% не выразился. Проанализирую неудачу. Какая-то сущность, жившая внутри эмпирически знакомого ГП развивала огромную энергию, чтобы, скажем, создать Героическую симфонию (ибо ее натура заключалась в музыкальности), а мир подбрасывал ей под руки не вещество звуков, а только бетон и стальную арматуру; ну, ей ничего не оставалось делать, как заместо симфонии формовать бункеры героических панфиловцев. И здесь, кстати, мы можем копнуть главную проблему Р.: а что такое человек? Что есть именно эта невидимая сущность, весьма не совпадающая с произносимыми словами, со сделанными делами? На примере ГП мне особенно хорошо ставить эту проблему. Ибо здесь зазор между сущностью и явлением особенно велик. У многих из нас ни то, ни другое особо не манифестируются, а потому нет проблемного зазора, ощущая который только в поле которого и ставишь проблему человека, т.е. человека сверх эмпирического. Еще одно замечание — проявляются эти реалии, на мой взгляд, только через медиум и действительность Жизни (ибо та сущность — живая), и здесь-то, аккуратно, лежит основание Философии жизни: как раз тот пункт, на котором мы все время маленько бодались с Учителем. И здесь же — еще одна трудно формулируемая позиция философии жизни: имманентным условием познания является любовь. Иначе просто не перебросишь мост к объекту познания, просто не подберешься к нему. Это как у Торнтона Уайлдера: что такое Мост короля Людовика Святого? Что такое, вообще, мост?

А у них... — у них (у нас) все началось, по Генисаретскому, с «родовой травмы марксоидного происхождения». Анализ Марксова «Капитала», споры о Гегеле на совково-диалектическом языке, полная искусственность интеллектуальной среды и игры (отрезанность от нормального мира и, скажем, от современной им Западной Европы, Григория Нисского, Конфуция или фирмы Mercedes-Benz). Московские интеллектуалы упиваются семантикой бахтинского суперпонятия «карнавал». Страх потерять работу и лишиться призрачной свободы в сочетании с двумястами рублей ежемесячно. Ильенков срывает ночью огромную букву «Я» с вывески магазина «Мясо» и приносит кому-то под утро домой с утверждением о том, что это трансцендентальное Я. Бред какой-то. Хотя тот же Р. рассказывает мне сегодня: «Вот вступают наши в контакт с директором какого-то института. Кто-

то начинает интересоваться его идеями, концепцией, публикациями, а Щедровицкий все допытывается — а кто его отец? А кто брат? А кто любовница брата?» Помилуйте, ну не был он платоником и, если угодно, не был он никаким методологом. Пена все это.

Пока хватит. Ведь, слава Богу, будет, наверное, возможность продолжить. Счастливо!

Твой Анатолий.

24.11.1996

Володя!

Видимо, я своим тоном (и не только тоном) включил в твоей душе такие механизмы блокировки, что весь пафос взаимопонимания ушел в гудок. После столь долгого перерыва в нашем общении я так и не могу понять, к какому берегу мне подгрести.

Сказать ярче — значит ради красного словца не пощадить самолюбия собеседника, нарушить заповедь Л. Толстого о том, что лезть — это необходимая смазка в дружеских отношениях.

Но печься лишь о душевном комфорте — значит прощай истина, прощай искусство, прощай все, что делает жизнь достойной.

Думаю, что обе крайности плохи. Человек нуждается не только в физической, но и в душевной гимнастике. Подтягиваться на ценностном турнике, принимать контрастный душ приходится ради будущего форс-мажора, ради избежания той травмы, о возможности которой нам весть подает совесть.

Чтобы **принудить** тебя к пониманию, попробую писать более отстраненно, без эмоционального перегрева и пользуясь напропалую цитатами из классиков. Начну с несравненного В.В. Розанова.

«Рок (...) духовной тупости (...) несли на себе все эти Зайцевы, Скабичевские, Протопоповы (...). Под влиянием этих критических скуратовых совершилось то, что, например, в семидесятых и половине 80-х годов прошлого века сочинения Пушкина нельзя было найти в книжных магазинах. Я помню эту пору: в магазинах отвечали — «не держим, потому что никто не спрашивает!» (...) Г-н Абрамович повторяет то же о более поздней эпохе, которую он помнит:

«Русское художество травили, вырывали ростки, заглушали начинания, причем дело этого заматывания поручали именно тем глухим и слепым в области литературы, которые в силу своей идейной и художественной слепоты, своего литературного кретинизма и могли быть литературными палачами.

Пишущий эти строки помнит удушье — подлинное удушье 90-х годов, когда каждый, кто чаял движения не одной только политической мысли, но также и широких областей духовной культуры, художественной, интимно-философской, задыхался, потому что невозможно было вдохнуть глотка воздуха, свободного от засилия нашей средней, лишенной вдохновения, жертвенности и огня радикальщины. Мы боролись, с одной стороны, и были тюремщиками, с другой. Мы возжигали свет в одной области и тушили в другой. Закрывать на это глаза, молчать об этом — может только трусливая бездарность, не верящая в свободное развитие русской культуры».

Но сразу же далее Розанов вдруг резко меняет тон и переходит от угрюмства к благодушию.

«А что — не кончить ли русскою поговоркою: «Что Бог ни делает — все к лучшему». Повторения подобного фазиса «критики» едва ли можно ожидать в будущем; вместо «погребения» Пушкина, Тютчева, Фета получилось вящее их прославление — прославление, увенчание, возвеличение. И между тем позади лежит горький опыт: чего стоит вообще для духа нации и наций грубейшее торжество материалистических, позитивных учений, связывающихся всегда с сухим и жестким политическим радикализмом.

Была оспа. Мы ее выжили. Второй оспы не будет.

И именно от этой болезни, в обще-то смертельной, мы не умрем. Вот где добрая сторона Шелгуновых, Скабичевских, Писаревых и всего натиска 60-х годов... Подобное им — не страшно уже в будущем».

В.В.Розанов, конечно, ошибся. Новый натиск не заставил себя ждать. 1960-е годы оказались предвестниками той второй либеральной волны, которая теперь нас захлестнула. Разумеется, титулатура Дьявола употреблена была мной в запальчивости. Да она и не по чину нашему герою. Кумиров шестидесятых можно в конце концов и пожалеть. Много в них объяснимо временем. Они знали только один способ «преодоления» непереносимой современности: пятиться к тому, что эту современность породило, — от Маркса к Гегелю, от большевизма к либерализму.

Человек не может полностью отвечать за направление своей мысли и деятельности. Но за **пафос** отвечает он и только он. Не всегда осознанно, чаще на уровне спинного мозга, но здесь всегда принимается волевое решение. Поэтому незыблема максима: «различайте духов». Щедровитянство как одушевляемое некими идеалами **движение**, на мой взгляд, внесло заметный вклад в дело умножения той душевной тупости, в атмосфере которой, в свое время, только и мог, например, Надсон стать первым поэтом, на книжки которого в библиотеках записывались на полгода вперед. Методологическое движение было одним из штурмовых отрядов либеральной «спекуляции на понижение»: отвлекало от всего высокого, что тревожит и мешает самодовольству, трепетало перед перспективой восстановления той культурной ауры, в свете которой бесы бывают презираемы.

Вновь процитирую Розанова.

«Нравственный позор революции и интеллигенции заключался в ее хвастовстве, в ее бахвальстве, в ее самоупоении. Это было какое-то дубовое самоупоение, которого не проткнешь. Все «мертвые души» Гоголя вдруг выскочили в интеллигенцию, и началось такое «шествие», от которого оставалось только запахнуть дверь (...).

Смрад, ужас, «затворяй ворота». Ибо победить это «триумфальное шествие» кто ж мог?!».

Мне кажется, что от триумфального методологического шествия веет тем же духом. Гвалт, суета — условия успешной спекуляции на понижение, тогда как тишина — условия возрождения высоких оценочных критериев.

Либералы обычно говорят, что они пекутся о щадящей духовной атмосфере ради «простых», «маленьких» людей. Но солженицынская Матрена и герои Андрея Платонова выдерживают любую переоценку ценностей. Не «маленьким», а мелким людям страшна аура подлинно высокой культуры, ибо она ранжирует людей именно по признаку их подлинности. Пошлость и благородство — вот крайние точки ее аршина. Тебе ли, переводчику В.Набокова, не знать, что если связь высокого и повседневного не воспроизводится ежечасно и ежеминутно, если между ними не разыгрывается полнокровный, быть может с несчастным концом, роман, то высокое низводится на роль макияжа, а это и рождает пошлость.

«Пошлость — не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, под

дельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность (...).

Возможно, само слово так удачно найдено русскими оттого, что в России когда-то существовал культ простоты и хорошего вкуса».

Моя головная боль — как вынудить логику (и «методологию») признать **«вкус»** главной своей категорией. Логика, по моему разумению, должна изучать реальное мышление (в высших его проявлениях) и стать одновременно поэтикой мышления.

Важно то, как организуется знание, какие композиции при этом создаются. А цель этих композиций — мгновенное распознавание высшего и низшего, порождение эмоциональных градаций и духовных потоков, как в вытяжной системе всякого очага. Знаменитая русская математическая школа «Лузитания» была создана не столько исследовательским, сколько лекторским искусством Н.Н.Лузина. Его ученики уже на 2-3 курсах университета написали обессмертившие их работы именно потому, что овладели искусством нравственно-эстетической ориентировки в океане математического знания, научились мгновенно отличать живое от мертвого и взлетать на ценностных лифтах прямо к точкам роста науки.

Только по звучанию, только «простукивая», как врач, свою область знания, способен ученый (или философ) выделять в ней наиболее доброкачественные и перспективные пункты.

Вновь цитата из В.В.Розанова.

«Суть Достоевского, ни разу в критике не указанная (сколько я знаю ее историю) заключается в его бесконечной интимности (...).

Это несравненно выше, **благороднее**, загадочнее, значительнее его идей. Идеи могут быть «всякие», как и «построения». Но этот **тон Достоевского** есть **«психологическое чудо»** (...).

Все слабости Достоевского — при нем; вся немощь — при нем; и может быть из идей его — ни одна не истинна. **Но тон его истинен, и срока этому тону никогда не настанет**».

Своего цветения культура достигает тогда, когда в ней крепнут и занимают первенствующие места корпорации «настройщиков» слуха и вкуса. И о зрелости русской предреволюционной культуры мы можем говорить именно потому, что чуткая критика в ней уже появилась.

Пример из рецензии Н.М.Бахтина на книгу Л.П.Карсавина «О началах».

«Книгу эту, напряженную и бессвязную, невозможно читать без чувства какого-то почти физического недоумения. Здесь закреплено какое-то очень существенное стремление, которое не может не волновать. Но закреплено оно как-то случайно, до времени, наспех. Безвкусице никогда не бывает только внешним, оно всегда — показатель какой-то глубинной, душевной нечистоты. Захлебывающееся многословие, неряшливость стиля и мысли, неводержанность в образах — нигде не могут быть оправданы, и менее всего — в религиозном познании, где — первое, неустрашимое требование — это строгость и чистота».

Написал и осекся. Ведь мне первому можно предъявить обвинение в неводержанности в образах и даже в прямой грубости. Принимая удар, поделюсь одним наблюдением. Как только я вычитываю где-либо родственные мне мысли, я тотчас меняю тон и начинаю писать о сходных сюжетах гораздо спокойнее и, как мне кажется, убедительнее. Без родного голоса я не могу переломить себя. Видимо, чистота и благородство стиля и тона не только от нас зависят. Они возникают при беседе настроенных на одну волну. Нюансировка возможна лишь при легких расхождениях, при схватывании мыслей с полуслова. А при разговоре глухих неизбежно срывается на крик. Мои непристойности лишь свидетельствуют о том, как сильно мы разошлись за последние годы, разошлись по разным культурным отсекам. Ориентируясь как на свой идеал, на достижения русской канунной культуры, я чувствую, что сфальшивил бы, начни я **копировать** свои образцы. Увы, изменились бытовые условия и формы общения. Это не значит, что идеалы мертвы. Они, как мне кажется, реально направляют мои мысли и действия. И я убежден, что если Россия какое-то время еще просуществует, то расцвет новой уникальной культуры будет возможен лишь при ориентации на **старые** идеалы. Результат же всегда нов, как нова и уникальна была, например, итальянская ренессансная культура, возникшая при ориентации ничтожного меньшинства на античные идеалы.

Мне кажется, что о русских идеалах удачно высказался беспристрастный иностранец Гуго фон Гофмансталь, когда он сравнил творчество австро-германского и русского театральных режиссеров. Вот его слова: «Макс Рейнгардт в одном отношении уступает, пожалуй, Станилавскому — в том, в чем театру Станиславского вообще не было равного в мире: в совершенстве ансамбля, в редчайшем согласии света и тени в актерском ис

кусстве, исполненном такой нежности и точности, какая встречается разве что на полотнах Сезанна, — эта гармония вытекает из самих недр русской души, полной чуткости и отзывчивости к тончайшим нюансам игры партнера, и достигается сотнями репетиций, осуществляемых без оглядки на время и затраты (это тоже возможно только в Москве, ни в одном другом месте Европы и Америки), и совершенно монастырской совместной жизнью актеров, образующих что-то вроде тайного братства, отказывающихся от своей гражданской или индивидуальной жизни, ради жизни в искусстве и включающих весь истовый пыл своей души в спектакль, даже в репетиции, в нахождение единственного верного тона (...)).

Монастырского братства не воссоздать. Но душой прилепиться к нему очень даже возможно. И различаются люди не по крови, а по их духовному подданству. Как ни тоскливо изъяснять банальности, но повторюсь: дело не в бытовой картинке, а в том, что она символизирует, в том, что всегда оказывается как бы за затылочной частью головы. Идеал — это «легкое пламя», в свете которого преображаются все видимые вещи и энергией которого творится нечто новое. (И в свете этого пламени, между прочим, философско-методологические надсоны должны занять подобающее им место).

С пожеланием паломничества на нашу духовную родину продолжающий верить в тебя

А. Соболев